

Уникальные солдаты приходили служить в нашу третью роту...
Неповторимые солдаты...

* Место: 3-я гвардейская парашютно-десантная рота 1-го гвардейского парашютно-десантного батальона 51-го гвардейского парашютно-десантного полка 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии, Тула.

Время: 1974—1981 годы.

Командир 1-го гв. пдб — гвардии подполковник БУЙ Анатолий Филиппович.

Командир 3-й гв. пдр — гвардии капитан ТЕРНОВСКИЙ Александр Юрьевич.

Врач 1-го пдб — гвардии капитан медицинской службы МАКАРОВ Николай Алексеевич.

БУДНИКОВ

Очередные учения. Конец февраля — начало марта. Десантирование в составе полка на площадку под Гороховцом (город есть такой во Владимирской области, названный так в связи с близлежащими Гороховецкими лагерями). Вместе с полком прыгает начальник медицинской службы дивизии гвардии полковник (за войну получил папаху — атрибут зимней одежды полковников и выше) Крапивный. Любитель парашютных прыжков и неожиданных для подчиненных учебных вводных.

Десантирование проходит на «хорошо» и «отлично». Или не совсем на «хорошо» и «отлично»? Это кто там, на краю площадки? Орет благим матом? Кто не может встать на ноги, барахтаясь в снегу?

А это — гвардии полковник медицинской службы, имитируя перелом ноги, проверяет на «вшивость» медиков полка (на настоящей-то войне всякое может произойти).

Но на его беду (беду ли?) рядом приземляется гвардии старший сержант Василий Будников, санинструктор третьей роты. («Летающий шкаф»), мастер спорта по боксу, бывший студент четвертого курса Курского мединститута, за какие-то грехи срочно прервавший учебу на два года с последующим восстановлением во всех правах законопослушного студента).

Не долго думая, наш Василий со всего размаха прикладывается валенком, обутым на сорок шестой размер ноги, по мягкому месту орущего «раненого» (на всем десанте: офицерах, прапорщиках, сержантах, солдатах — одинаковая форма одежды без знаков различия — зимняя «десантура», а на Крапивном, вдобавок, нахлобучена солдатская шапка). И ласково, так душевно, «раненому» говорит, почти шепотом:

— Какая нога? Ты чего салабон придуриваешься? Встать! Бегом марш!

Следует очередной валенко-удар.

— Доложишь, та-та-та, на сборном пункте! И сдашь, вдобавок, мой парашют. А то по-настоящему вырву твои сраные ноги и спички вставлю...

Рванув автомат, вставив спаренный рожок, санинструктор третьей роты, утопая по пояс в снежной целине, как и весь полк (так и хочется написать: помчался) стал пробираться до ближайшей дороги.

Откуда известна эта история?

Сам гвардии полковник медицинской службы Крапивный на всех

совещаниях с гордостью рассказывал об одном своем подчиненном... в одночасье распознавшем в нем симулянта...

КАРТАШОВ

Одна тысяча девятьсот семьдесят пятый год. Конец февраля — начало марта. Полковые тактические учения с десантированием в «глубокий тыл противника» с последующим совершением рейда и уничтожением объектов супостата.

Накануне вечером последний смотр готовности войск к учениям. Первый батальон построен на плацу шеренгами с интервалом между собой по 2—2,5 метра. Комбат, замполит, начальник штаба и доктор (ваш покорный слуга) обходят личный состав для обнаружения последнего неμεдленного устранения недостатков.

Взвод связи — без замечаний.

Первая рота — без замечаний.

Вторая рота — без замечаний.

Третья рота — без замеча... Стоп! Последняя шеренга. Легофланговый. Рядовой Карташов. Второй год службы. Не «салага». Вместо валенок на ногах — сапоги. Устранить! Доложить! Через десять минут — устранено. Доложено!

Батарея СПГ (СПГ — станковый противотанковый гранатомет) — без замечаний.

Взвод снабжения без замечаний...

Наутро, перед движением на аэродром (это рядом; северное КПП полка напротив Тульского аэропорта; чуть дальше — полк самолетов Ан-12, с которых мы тогда прыгали) опять построение. Ни одно мероприятие в Армии не проходит без построения. Пересчитать военно-служащих на предмет их наличия. Посмотреть внешний вид. Отдать ЦУ и ЕБЦУ (ЦУ — ценные указания, ЕБЦУ — еще более ценные указания). Равняйся! Смирно! Я в темпе произвожу опрос личного состава на предмет заболеваний и недомоганий, возможно случившихся за ночь.

Взвод связи — жалоб нет.

Первая рота — жалоб нет.

Вторая рота — жалоб нет.

Третья рота — жалоб нет. А Карташов? Где Карташов? Ах, здесь! Ах, ты эдакий и разэдакий, такой-сякой, мазаный-перемазанный,

опять в сапогах. Вместо валенок. Устранить! Доложить! Через три минуты устранено. Доложено!

Батарея СПГ — жалоб нет.

Взвод снабжения. А взвода снабжения в полном составе нет. Взвод снабжения в составе тыловой группы полка, выдвинулся в район десантирования (под Ясногорск) для встречи основных войск. Для сбора парашютов. Выдачи лыж, горячего чая, бутербродов...

Аэродром. Очередное построение. По самолетам: личный состав двумя колоннами перед открытыми кашалотообразными люками-пастями Ан-двенадцатых в утреннем морозном полумраке, жмурясь и прикрывая лицо от снежных вихрей, поднятых работающими пропеллерами, медленно продвигается в чрево холодного чудовища. Где Карташов? Вон он — этот солдат, в моем самолете. Без валенок. В сапогах! Исправлять и докладывать об исправлении нет времени. Ладно, пока не замерзнет, а там, на площадке приземленья что-нибудь придумаем...

Десантирование прошло успешно, если не считать двух приземлений на запасных парашютах (Витька Трунилин, фельдшер-срочник полкового медицинского пункта полка и майор Судариков; рядовому — десять суток отпуска, майору — строгий выговор. Об этом — в другой раз). Войска на пунктах сбора. Пересчитаться. Перемотать портянки. Хлебнуть горячего чая. Получить вводную на выполнение ближайшей задачи...

Взвод связи и батарея СПГ рассредоточена по ротам.

Первая рота — пошла.

Вторая рота — пошла, марш-марш.

Третья рота — пошла, марш-марш, вперед.

Управление батальона в арьергарде. На возвышенности. В пятидесяти метрах от ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия, где сосредоточен весь взвод снабжения с техникой, кухней: обоз, одним словом). И вдруг... Вдруг — нашу группу обгоняет отстающий боец. Лыжник в сапогах! Карташов! Стоп, машина — задний ход! Незадачливому солдату делается очередное нелицеприятное внушение. Его разворачивают под белы ручки на сто восемьдесят градусов. Показывают направление в сторону нашего ПХД (пятьдесят метров до него!). Комбат громовым голосом передает командиру взвода снабжения приказ: «Взять разгильдя! Поставить на довольствие! Возить только в кабине! Понятно?».

«Есть! Так точно! Будет исполнено!».

Управление, вперед, марш, марш вперед. Догонять войска. Руководить войсками. Первым батальоном...

Захват и разгром «супостата» прошел как по маслу, то бишь по заранее утвержденному плану. Согласно утвержденному плану закончилась и наша «война» на следующий день. Не рассчитан десант на более длительные боевые действия. Сделал дело и... как одноразовый... воздушный шарик. Для дальнейшего применения не пригоден. Ну, это — так, лирическое отступление. А так как у нас всего-навсего учения, то и пора честь знать. Пора собираться до кучи. Пора ехать на зимние квартиры. Ага! Щас! А пересчитывать личный состав кто будет? Кто будет пересчитывать оружие? Дядя Пушкин?

Взвод связи — все на месте. Оружие на месте.

Первая рота — все. Оружие на месте.

Вторая рота — все. Оружие все.

Третья рота — все на мес... Нет, не все. Нет одного. Нет Карташова, едрит твой корень. Может в другие подразделения прибился, бедолага.

Батарея СПГ — все. Посторонних нет.

Взвод снабжения — все. Посторонних нет. А этот ваш сраный Карташов сбежал ночью из машины. Но... Но обутый в валенки. Вон замок (замок — заместитель командира взвода) валенки ему свои отдал.

Запросить другие батальоны — брошена соломинка, на всякий случай. Карташова нигде нет! Нет и автомата!!! АКМС.

Все—е—е—м отбой! Первому батальону ученья продолжать! Искать солдата. Искать автомат...

Трое суток искали Карташова. Искали автомат. В районе учений и прилегающих окрестностях. В районе «боевых» действий полка. Трое суток искали. Три дня в светлое время вертолет на сверхнизкой высоте утюжил этот злополучный район, помогая поискам.

Карташова нигде не было. Вместе с автоматом!

На четвертый день местное, колхозное, женского пола, крестьянство поехало к ближайшему от деревни (135 метров!) стогу сена. Коровы тоже, даже зимой, почему-то хотят кушать. (А надо сказать, около этого стога раз пятнадцать днем и ночью, с матюгами и факелами, проходили поисковые группы). Значит, подъехали к стогу, но руками-то несподручно грузить в тракторную тележку сено, вот и вонзили в стог вилы, норовя ухватить побольше, а в ответ... В ответ из стога леденящий в жилах кровь нечеловеческий вой (хорошо, вилы угодили в бок и только обозначились незначительными царапинами) и появление... солдата. Появление Карташова. С автоматом. В сапогах (!). С отмороженными до стеклянного стука ногами. С

пятью (!!!) полными коробками спичек в карманах... Чего он добивался своим поступком — так никто и не понял.

Уволенного по инвалидности (1 группа — ампутация обеих ног ниже колен) бывшего солдата третьей роты никто (!) из сослуживцев не пошел провожать даже до КПП. Северного КПП полка. Напротив Тульского аэропорта...

МАРТЫНЮК

Резкий звонок в штаб первого батальона на полуслове оборвал комбата.

— Что опять у вас натворил этот долбаный Мартынюк? — орал в трубку командир полка.— Сгноить на «губе» негодяя! До командующего дошло! Сам (!!!) звонит!

Командир третьей роты — гвардии старший лейтенант Сашка Терновский — мухой прилетевший в штаб, по стойке «смирно» стоял перед комбатом. Прикидывая, какими последствиями грозит для него похождения подчиненного солдата. Маргелов, наш дядя Вася, шутить не любит!

А солдат? Что — солдат? Солдат — как солдат. Почти во всем — первый. С соседней стройки, приволочь линолеум для нужд роты — он тут как тут. В самоволку, «по бабам» — опять не оплошает. Подтянуться на перекладине — до чемпионства далеко, но тридцатник «железный». Отжимание от пола — под сотню. Марш-бросок первым никогда не приходил: два-три автомата на себе таскал «сдохших салаг». Стрелять? Как сказать? На мартовских ротных стрельбах (шеренга солдат до километра по фронту и стрельба из всего штатного оружия роты), угодив с головой в траншею,— а их на стрельбище полным-полно,— с грязно-снеговой водой и тут же выскочив оттуда, как пробка из бутылки шампанского, первой очередью завалил все, вдруг поднявшееся перед ним мишени...

Опять резкий звонок в штаб батальона. Опять полумат командира полка. Но какой?!

— Чтобы!!! Через!!! Тридцать минут!!! Комбат!!! Лично!!! Сам!!! — надрыгается трубка.— Вручил отпускной билет этому отличнику боевой и политической. И!!! Лично!!! Посадил!!! Его!!! На электричку!!! В Москву!!!

Чем хороша Армия, так это тем, что подчиненному не нужно долго раздумывать над приказами вышестоящего командирования. Вредно

раздумывать. Преступно. Взял под козырек. Есть! Так точно! Понял! Выполняю. О выполнении — доложу! А потом, после выполнения, в кругу семьи или в кругу друзей, за рюмкой чая можно и порассуждать об этих непонятках...

Благо, ротный находился здесь рядом, по стойке смирно стоящий, ни хрена не понимающий в метаморфозах командира полка, ждущий разъяснение батальонного.

— Что — не ясно? Переодеть в парадку! Пришить «младшего сержанта». Приказ КЭПэ уже подписал. И — ко мне!

— Да... это... как его... — суворовец, выпускник «Верховного Совета» (кремлевский курсант), ротный переминался с ноги на ногу, не зная, как выкручиваться дальше. — Он... это... на «губе»... Сидит... трое суток.

Приплыли. ЕПРСТ! Командующий (Сам!) требует его в отпуск, а они понимаешь, тут безобразия безобразничают...

Вечером вся (!) рота, третья рота, провожала Мартынюка в отпуск. До КПП. Северного КПП полка. Напротив Тульского аэропорта. Где располагалась конечная остановка троллейбуса. Шестого маршрута. «Московский вокзал — Аэропорт»...

Подоплеку этого своего отпуска Мартынюк рассказал через десять суток, по прибытии в расположение.

...Пришел накануне того самого ажиотажа к генералу армии Маргелову Василию Филипповичу его предшественник, бывший командующий Воздушно-десантными войсками. И так, вроде бы невзначай, между делом, поинтересовался: «Чего, дескать, моего внука не дождемся в отпуск. Бабы мои — и жена, и дочь — вконец достали. Мол, все: кому не лень, уже по два раза побывали в отпусках, а его, родной кровинушки, все нет и нет. Да и вообще: ты дед или кто? Не мог его от армии «откосить»? Или, на худой конец, оставить служить в Москве? А не гноить его в этой тульской тьмутаракани? И доводы, что он сам захотел служить в наших войсках, а не отсиживаться за дедовским авторитетом, бабьем не принимались абсолютно. Помог-то ему в одном — чтобы служить в Туле. И все».

...До окончания срочной службы (до дембеля) гвардии младшему сержанту Мартынюку оставалось ровно три месяца. И ровно за три месяца десять дней в полку (в роте, где все обо всех и каждом знают) обнаружилось, что с ними служит внук командующего ВДВ. Правда, бывшего командующего. Но какая, в принципе, эта разница...

РАБИНОВИЧ

За двадцать с хвостиком лет службы в ВДВ я больше ни разу не встречал среди срочников подобной, чисто «англо-саксонской» фамилии.

Боря Рабинович.

Профессиональный фокусник-престижиратор (пальцы — зависть Ойстраха!). Художник с каллиграфическим почерком (писарь роты с первых дней и оформитель стенгазет и боевых листков). Сын сапожника (за какие грехи провинился перед своим Богом и «загремел» в армию?). За два года службы не поправившийся (к «дембелю» все, как один наедают ряхи десантники) не то, что на килограммы, ни на один грамм. И... и не годный к службе в ВДВ. По трем статьям. Медицинским. По состоянию здоровья. И два года просящий Бориска Рабинович, просящий и командира роты, и командира батальона, и врача батальона, чтобы ему разрешили прыгнуть с парашютом хотя бы раз. Разочек. Такой маленький, малюсенький разочек. Если надо, он заплатит. Сумму назови. Прописью. Но я его раз за разом вычеркивал из прыжковой ведомости.

— Борис! Купи себе любой значок. Хоть, инструктора-парашютиста. Кто тебя в твоём Бердичеве будет проверять: прыгал ты или нет.

Но он всеми правдами, а больше неправдами рвался прыгать.

За месяц до увольнения из рядов Армии мне пришлось высаживать его из самолета, уже готового к взлету. Куда смотрел? Трижды (!) негодника пропустил на прыжки? Кошмар! Ему предлагали (не приказывали! У нас как в Армии: раз-два, приказ, и в дамки) перевестись в другие, не десантные войска. Ни в какую! Только в ВДВ. И ему пошли, как ни странно, навстречу, оставив служить в третьей роте.

А завтра последний его день в этих самых «продуваемых всеми ветрами войсках», в Воздушно-десантных. Завтра Боря Рабинович увольняется. Отстанет от всех со своими просьбами. Нелепыми просьбами о прыжках. А сегодня?

Сегодня прыгает второй батальон и он — Боря Рабинович — уговорил, а может, кого и подкупил (все-таки у него — чисто «англо-саксонская» фамилия), чтобы его взяли на прыжки. И прыгнул! Всего один раз! Один раз за два года службы в ВДВ. В предпоследний день своего пребывания в нашей части. В нашей третьей роте...

ОБА ДВА

Проходили у нас очередные полковые учения. В Рязани. На полигоне «Дубровичи». Десантирование — «хорошо» и «отлично». Марш в район стрельб — «хорошо». Стрельба — «хоро...». Не было никакой стрельбы. Жара в то лето — лето одна тысяча девятьсот семьдесят первого — стояла невероятная. Горело все, что могло и не могло гореть. Мы ждали погоду. Нелетную, дождливую погоду. Попытались стрелять в предрассветной прохладе. Сушняк загорался от первого трассера. Приходилось бросать стрельбы и мчаться тушить лес. Ждали погоду. Дождя. День ждали. Два. Неделю. И дождались. Дождались праздника. Нашего праздника — День Воздушно-десантных войск. Второе августа. День ВДВ. И день, почему-то, Ильи-пророка?

В какой праздник без баяна, т.е. без спортивных соревнований в наших войсках? Тем более — самый почитаемый, самый уважаемый праздник голубых беретов и голубых в полосочку тельняшек.

На стадионе полигона расположились два полка (наш, Тульский, и местный, Рязанский, — чай, одной дивизии, 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной, ордена Кутузова 2-й степени дивизии) и гражданские «партизаны» (студенты Московского областного, не то педагогического, не то физкультурного института, проходившие «курс молодого бойца», для получения лейтенантского в запасе звания).

Ведущие этого спортивного шоу — Высоцкий, мастер спорта международного класса по боксу в тяжелом весе, единственный из советских спортсменов дважды победивший самого Стивенса, олимпийского чемпиона, легендарного кубинского боксера, чемпион страны, чемпион Европы и какой-то волосатый, полугроссмейстер по стоклеточным шашкам.

Объявляется очередной «номер»:

— На помосте чемпион мира по дзюдо среди юниоров, мастер спорта международного класса, недавно приехавший из Испании, где этот титул и завоевал такой-то и такой! Кто бросит ему вызов? Есть — такие?

Над стадионом нависла гнетущая тишина. Нет таких! Не нашлось смельчака в двух десантных полках! Откуда им взяться? Некому честь голубых беретов в полоску грудь поддержать? Некому с самим чемпионом мира потягаться?

И вдруг... Да, — без всякого вдруг, — просто долго освобождался от обмундирования, среди третьей роты происходит шевеление и на помост пробирается тщедушный солдат. Соплей перешибешь. Труссы, грязно-вылинявшие синие, ниже колен. Руки по локоть, шея и лицо в

бронзовом загаре. Большой палец левой руки перевязан стиранным-перестиранным бинтом. Белая-белая кожа. Механик-водитель третьей роты (к сожалению, забыл фамилию и его, и второго солдата). Но... Но в голубом берете и в тельняшке!

Неспешное, даже какое-то вяловатое рукопожатие, пренебрежительная ухмылка чемпиона: дескать, не таких мы в Испании видали, видали и укатали под фанфары; но, мол, ладно, так и быть, снизойду, покажу вам шоу-класс. Где это тут — ваш мужичок с ноготок? А мужичок, мужичок с ноготок, не раздумывая ни мгновенья, подпрыгивает выше головы (!) чемпиона, захватывает шею ногами как ножницами и заваливает соперника на бок, в полете умудряясь перехватить руки и захватить на болевой прием. Чемпион от такой наглости, а скорее, от боли жутко воеет и стучит свободной рукой по помосту. Чистая победа! За пятнадцать (!) секунд (!!!).

Затем сам Высоцкий вызывает себе напарника, «мастерится» в незашнурованных перчатках. И опять, опять из третьей роты (рожают, что ли их там, в этой третьей роте?) такой же замызганно-зачуханный (а где вы видели опрятно одетых в пижонистые костюмы механиков-водителей боевых машин в полевых условиях?) поднимается на помост солдат. Ему зашнуровывают перчатки, раздается гонг, улыбающийся Высоцкий подманивает его к себе и... получает сокрушительный удар по левому уху и вдогонку — серию ударов по печени, по сердцу. Ничего себе! Зашатался Высоцкий. Не ожидал он такой прыти от почти на тридцать килограммов меньшего по весу солдата. Но надо отдать ему должное: всего два удара (наверное, и те — в полсилы) нанес он в ответ и, не дав упасть, объявил почетную ничью...

Обоим солдатам бывшие с «партизанами» руководители сборов тут же предложили без экзаменов (!) поступить в свой институт. На что наши оба механика-водителя боевых машин десанта обещали подумать...

Да, имеются в русских селеньях, то бишь в ротах (особенно в парашютно-десантных ротах!) самородки-вундеркинды, мастера на все руки. Но имеются также и в русских селениях, и в ротах (в парашютно-десантных ротах — исключительно, очень редко), имеются и встречаются Мальчиши-Плохиши... К сожалению...